

различия между исходными баллами ЕГЭ и конечными для абитуриентов и организаторов оставались тайной.

6. *Коммерциализация.* До недавнего времени в одной связке с ЕГЭ следовали так называемые ГИФО — государственные именные финансовые обязательства — главный инструмент коммерциализации. Например, Республика Саха (Якутия) в числе первых вошла в «эксперимент». В итоге получилось, что по каждой специальности Национального университета только 25% первокурсников 2003 года стали учиться за счёт государства. Остальные должны платить! Разве не ясно, что эта республика с высоким пока ещё уровнем образованности населения при сохранении механизма ГИФО рисковала превратиться в территорию с неграмотным населением?

Стратегия коммерциализации образования не способствует развитию личности и не содействует укреплению Российского государства. Она разрушительна для России, так как по индексу развития человеческого потенциала Россия опустилась до 57-го места, перейдя из группы развитых в группу развивающихся стран². В результате таких «реформ» Россия уже лишилась народного образования, оно расслоилось на элитное, элитарное и массовое³. Массовое образование стало деградировать. Коммерциализация запустила механизм массового засорения кадрового потенциала России.

7. *Усиление неравенства.* Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считает, что неравенство граждан России в области образования приняло угрожающий характер. Ни в одной стране мира результаты экзамена не связывают с ГИФО. Неслучайно известный российский социолог М. Руткевич называет ГИФО

«явно антисоциальной идеей». Более резкую оценку ГИФО даёт известный учёный и общественный деятель, ректор Московского высшего технического училища им. Баумана Б. Фёдоров. «Что касается ГИФО, то их идея — в чем же их преимущество — просто непонятна. Приходится слышать, что их введение позволит повысить доступность образования, привлечёт новые средства в сферу образования.

Что касается доступности, дело обстоит совсем иначе. ГИФО расширяют платную составляющую образования и тем самым снижают его доступность. Ни в одной стране мира ГИФО нет, а где были, от них отказались⁴.

Проблемный статус ЕГЭ

Есть основания полагать, что проблемный статус ЕГЭ много выше официально заявленного правительственного «эксперимента по введению государственного экзамена». Как можно судить по названию, это государственный (было бы точнее сказать — правительственный) эксперимент по введению экзамена для примерно миллиона выпускников школ и абитуриентов вузов. Мы можем говорить о социальном аспекте ЕГЭ — его воздействии на судьбы молодого поколения и на качество его образования. Это и есть один из признаков наличия общественной проблемы.

Общественная проблема определяется как противоречие между уже назревшей необходимостью определённых общественных действий и недостаточными ещё условиями их реализации⁵. Идея решения образовательных проблем посредством усиления государственного надзора может возникать только в условиях целенаправленного ослабления общественных органов управления образованием.

Один из примеров — проведение ЕГЭ под руководством министерства. Последнее проверяет результаты своей же работы, что нельзя признать правильным. Образовательные проблемы позитивно не решаются при управлении сверху; они успешно решаются только при взаимодействии учащихся, родителей, местных органов, общества, профессионалов-педагогов и учёных вместе с правительством. Опыт и история всех стран с образованным населением убеждают, что образовательные проблемы адекватно могут решаться на основе соблюдения законов и некоторой автономности образовательных учреждений.

Последствия ЕГЭ

Менее зависимые от правительства авторы, среди которых преимущественно учёные, педагогическая и научная общественность, считают ЕГЭ мощным средством разрушения того образования, которое ещё ценится в мире.

ЕГЭ спровоцировал новый виток коррупции, которая теперь раскручивается вокруг него. Из-за отсутствия подлинного демократического общественного контроля российское образование уже вышло по коррупции на второе место после та-

² Доклад о развитии человека. 2004. Пер. с англ. Издано для Программы развития Организации Объединенных Наций. М.: Весь Мир, 2004.

³ Аванесов В.С. Два лика образовательной политики // Независимая газета. 2000. 5 октября; Аванесов В.С. Куда ведут реформы образования? // Народное образование. 2001. № 5. С. 26—32.

⁴ Фёдоров И.Б. Проблема развития высшего образования // Москва на пути модернизации и кадровый потенциал как решающий фактор её эффективного развития. Материалы научно-практической конференции М.: 2002, 31 октября. С. 26—27.

⁵ Куценко В.И. Общественная проблема: генезис и решение. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 61.

— требуется принципиально новая концепция системы государственной оценки качества образования, не навязанная административно, а созданная как результат общественного и профессионального согласия.

Реализация этих мер позволит наметить эффективный новый курс, определяющий развитие российской системы образования в XXI в.

Что делать?

Ни в одном демократическом государстве контроль знаний не принято рассматривать как проблему государственную. Она всюду общественно-профессиональная, но государство стоит на страже прав граждан. У нас все наоборот, и в этом заключается одна из уникальных особенностей ЕГЭ.

Спустя пять лет после т.н. «эксперимента» многие стали понимать, что ЕГЭ не оправдал надежд. Этот экзамен не стал:

- средством борьбы с коррупцией и гарантом равенства возможностей доступа к качественному высшему образованию, как мыслилось в Кремле;
- средством улучшения образования, как полагали в бывшем Министерстве образования;
- качественным методом контроля знаний выпускников школ и методом объективного приёма в вузы, как надеялись в Гособнадзоре.

С мнением о том, что ЕГЭ себя не оправдал, согласились и участники недавних общественных слушаний.

Напротив, ЕГЭ стал:

- средством дальнейшей деградации образования;
- источником значительных растрат бюджетных и заимствованных за рубежом средств;
- полем для коррупции, которая лишь переместилась с традиционного вузовского уровня на школьный, как недавно констатировал академик РАО А. Абрамов. Не обеднели и организаторы ЕГЭ, покупатели и продавцы дорогостоящей зарубежной техники и секьюрпаков, организаторы многих различных комиссий, издатели книг и пособий по подготовке к ЕГЭ, частные компании, обслуживающие ЕГЭ (все они выступают за продолжение госэкзамена);
- министерской попыткой опровержения аксиом теории педагогических измерений, хотя давно известно, что закон Ньютона и в Африке закон.

Кроме того ЕГЭ, как отмечалось выше, превращается в линию размежевания между обществом и государством.

В последнее время появились первые признаки разумного подхода к оценке ЕГЭ, о чем свидетельствуют начавшиеся непростые обсуждения. Как признал министр образования и науки РФ А. Фурсенко, роль ЕГЭ неизбежно изменится. Он также отметил возможность применять ЕГЭ только для проверки знаний по русскому языку, а по остальным предметам сделать экзаменом по выбору. Однако надёжная проверка качества устной и письменной речи миллиона экзаменуемых — задача не из простых. Качество нынешнего ЕГЭ принципиально не улучшаемо в силу ошибочности целей, форм, методов и других причин. Как выразился мэр Москвы Ю. Лужков, «ЕГЭ напоминает мне игру в напёрстки на вокзале. Но если на вокзале мы теряем лишь деньги, то здесь — молодое поколение»¹¹.

Что можно сделать? Первое — это надо силами общественности определить цель педагогических измерений (не ЕГЭ) при решении задач объективной оценки выпускников школ и абитуриентов различных вузов. Оценка выпускников школ и абитуриентов вузов — это две различные задачи. Каждая из них требует особых тестов, различных как по содержанию, так и по форме.

Идею государственного тестирования или экзамена надо отставить, потому что оценка личности — не дело государства. Дело государства — защита личности, в том числе и от некачественных оценок.

Для эффективной борьбы с коррупцией нужен Национальный проект, объединяющий политическую волю, и Национальное тестирование, где ведущую роль играют не государственные чиновники, а общественность и профессиональные сообщества. Они же устанавливают такой контроль, который исключает нарушения.

Зарубежный эксперт С. Баккер призывает повысить прозрачность в руководстве ЕГЭ, в распределении ответственности и процедурах, устранить неясность — где принимаются решения и на ком лежит окончательная ответственность. Рекомендуются также разъяснить процедуры преобразования исходных тестовых баллов в измерения и отметки, так чтобы они были поняты и приняты обществом.

Надо быстрее создавать гражданские структуры управления образованием, потому что подлинные образовательные реформы без согласованного взаимодействия учащихся, родителей, граждан, общества и государства невозможны. Хорошее образование начинается не с принудительно навязанного государственного стандарта и с ошибочного ЕГЭ, а с хорошего и уверенного в своей жизни учителя, с хорошей и безопасной школы, с накормленных детей, хороших и добрых книг, с веры детей и родителей в улучшение жизни. Вот этим и надо заниматься. □

¹¹ Из выступления Ю. Лужкова на Московском августовском городском педсовете 25.08.2003.